

Содержание

Джон Грейнджер: в защиту Гарри Поттера	
Штейнман М.А.....	9
Благодарности	21
Предисловие издателя.....	23
От переводчика	24
Введение	27
Глава первая. Магия, фэнтези и трансцендентное	41
Глава вторая. Великая битва хороших и плохих	55
Глава третья. Путешествие героя.....	65
Глава четвертая. Алхимия духовного роста.....	73
Глава пятая. Одна личность, две природы.....	87
Глава шестая. Не судите, да не судимы будете	101
Глава седьмая. Победа любви над смертью.....	113
Глава восьмая. Вопрос идентичности.....	129
Глава девятая. Свидетельство о вещах невидимых	145
Глава десятая. Игры с именами.....	169
Глава одиннадцатая. Очищение души	189
Глава двенадцатая. Книги опасные и книги назидающие.....	201
Глава тринадцатая. Отчаяние и освобождение.....	213
Глава четырнадцатая. Увенчанный добродетелью	225
Глава пятнадцатая. Темная ночь души	235
Глава шестнадцатая. Крещение в жертвенную смерть ...	247
Глава семнадцатая. Выбор верить	265
Глава восемнадцатая. Рождение и крещение христианина	285
Глава девятнадцатая. Победа над смертью	299
Глава двадцатая. Вопросы и ответы	323

Джон Грейнджер: в защиту Гарри Поттера

Эта книга очень важна по двум причинам. Во-первых, автор подробно разбирает скрытые и явные смыслы встречающихся в истории о Гарри Поттере символов и образов, что помогает глубже понять волшебный мир, созданный Роулинг. Во-вторых (что, может быть, наиболее важно), Джон Грейнджер максимально четко раскрывает христианские смыслы поттерианы. И это отнюдь не общее место. Дело в том, что заявленное Роулинг волшебство как часть ее художественной реальности смущало и продолжает смущать немалое число читателей и зрителей (а также тех, кто не читал и не смотрел «Гарри Поттера», но уже сложил о нем свое мнение). Именно поэтому подобные разборы просто необходимы. Грейнджер защищает «Гарри Поттера» и его создательницу с такой неподдельной искренностью и страстью, что это можно сравнить только с книгой С. Колдекота «Тайное пламя»¹, где автор стремится отождествить «Властелина колец» с христианской проповедью.

Еще один очень важный момент. Убежденный христианин, автор страстно отрицает секулярный век, в котором, по его мнению, пребывает человечество. Об этом надо сказать чуть подробнее. Секулярный мир — тот, в котором торжествуют светский подход к восприятию реальности,

¹ Колдекот С. Тайное пламя. Духовные взгляды Толкина. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008.

а религиозный взгляд, напротив, вытесняется. Грейнджер убежден, что в этом случае мир (и человек) теряет нечто крайне важное: не просто возможность выходить за рамки материального, но, если говорить шире, и возможность духовного развития. Вполне уместно здесь выглядят и приводимые автором размышления М. Элиаде о развлечениях, которые даже в максимально светском, профанном обществе могут выполнять сакральную функцию: «Они разрывают замкнутый круг нашего сознания, сосредоточенного на себе, и позволяют пережить чужой опыт или на время перенестись в иной и лучший мир»¹.

Книга Джона Грейнджера, начатая в 2002 году, обозначает своего рода рубеж окончательной заколдованности мира Гарри Поттером. В этот год на экраны выходит второй фильм поттерианы, «Гарри Поттер и Тайная комната», после которого Мальчик, Который Выжил прочно закрепился в мировой культуре. К тому моменту уже опубликованы четыре книги из будущих семи, до «Кубка огня» включительно. Четвертая книга — своеобразный водораздел, после которой становится понятно, что уютный мир волшебников включает в себя не только светлые краски, а сказка — далеко не только сказка. Собственно, Роулинг изобразила возвращение Вольдеморта в финале «Кубка огня» в настолько мрачных тонах, что это напугало многих читателей. Напугало, но не отвратило от истории.

Что же помешало ей превратиться в очередной беспроблемный нуар? Надежда вопреки всему. Собственно, последующие три книги, неизмеримо более серьезные по содержанию и проблематике, очень точно показали нам как читателям: Роулинг описывает не вымышленный мир. Она описывает наш собственный мир, пропущенный через призму восприятия Гарри Поттера. Миры магов и маглов — две стороны одной медали. Или же отражения друг друга — но не в кривом, а в благородном зеркале фэнтези.

¹ См. стр. 75 настоящего издания.

Ибо этот жанр — больше нежели какой-либо другой — обладает колоссальной возможностью дать нам взглянуть на привычный мир с необычного ракурса. Этот творческий импульс настолько велик, что породил целую альтернативную вселенную, созданную фанатами Гарри Поттера. Эта конвергентная реальность четко показывает нам — герои Роулинг обладают колоссальной жизнеспособностью, которая позволяет им оставаться узнаваемыми в потоке фанфикшн. Более того, оставаться не только узнаваемыми, но и неизменными. Потому что даже самая бурная фантазия любителей вселенной Роулинг в конечном счете только подчеркивает важность исходных смыслов, заложенных создательницей этой литературной вселенной.

Книга Грейнджера построена так, чтобы помочь читателю успеть за логикой автора. В нескольких вступительных главах он задает собственные системы координат для изучения поттерианы. Я выделю несколько ключевых моментов. Это, прежде всего, глава «Магия, фэнтези и трансцендентное», где довольно подробно рассматривается понятие магии у Роулинг (речь о ней пойдет ниже). Роли положительных и отрицательных героев в книгах, а также функции двойников уделена вторая глава. Принципиально важны также третья и четвертая главы. В третьей Грейнджер приводит концепцию пути героя, разработанную Джозефом Кэмпбеллом. Путь героя — это не просто сюжетная схема, в которую так легко укладывается «Гарри Поттер». Это метафора жизненного пути, который так или иначе проходит не только Мальчик, Который Выжил, но и каждый из нас. Что же касается главы, названной «Алхимия духовного роста», то ей явно принадлежит одно из ключевых мест в книге, о чем мы подробнее скажем ниже.

Крайне важно, что уже в первой главе Джон Грейнджер задает некий контекст, без которого понимание литературного мира Роулинг будет неполным. Это, в частности, имена Джона Рональда Руэла Толкина и Клайва Стейплза Льюиса.

Для нас здесь особенно важно особенно подчеркнуть и дополнить мысль Грейнджера о близости взглядов Толкина и Роулинг на жанр фэнтези.

Именно Толкин в своем эссе «О волшебных сказках»¹ задает важнейшую смысловую рамку, без которой невозможно понять феномен фэнтези — это три функции волшебной истории. Толкин называет их «восстановлением душевного равновесия» (или излечением, выздоровлением), «утешением» и «эскапизмом». Под эскапизмом, или бегством от действительности, он подразумевает не паническое бегство от окружающей реальности в духе Нео, освобождающегося от Матрицы, но гораздо более глубинное и серьезное желание, а именно Бегство от Смерти. Именно оно напрямую связано с тем, что сам Толкин называл эвкатастрофой, Эхом Благой вести в реальном мире.

На наш взгляд, Роулинг опирается на ту же мысль, делая ее центральной осью собственного повествования. Джон Грейнджер в своей книге старается проследить ее максимально подробно, уделяя особое внимание теме смерти и воскрешения в главе, посвященной седьмой, заключительной книге поттерианы. Однако мы рискнем дополнить ее.

Желание бежать от смерти Толкин считает присущим человечеству в целом. У Роулинг же представлены две разновидности этого желания в мире волшебников. Один связан с темной магией Вольдеморта, другой же — с тем, что Грейнджер называет алхимией, то есть по сути — волшебной наукой. Алхимия действительно присуща миру волшебников, она не противоречит его сути, его внутренней логике.

Волшебство магов у Роулинг работает по тому же принципу. Вообще, магические способности у нее — скорее неотъемлемая часть реальности, чем нечто противоестественное. Само разделение на магов и маглов — классическая

¹ Здесь и далее цитаты приводятся в переводе С. Кошелева.

концепция двоемирия, знакомая нам по авторам немецкого романтизма, прежде всего по новеллам Э. Т.-А. Гофмана. Его «Щелкунчик» или «Золотой горшок» — постоянное напоминание, что мир не так прост и понятен, как мы привыкли о нем думать. Но даже в волшебном мире существует зло — и о нем не следует забывать. Это есть у Гофмана, это есть у Толкина и это, безусловно, есть у Роулинг.

В первой главе Грейнджер разделяет инкантационную и инвокационную магию. Инкантационная магия синонимична волшебству, и это допустимо, поскольку она, как подчеркивает автор, «строится на гармонизации мира с творящим Словом Божьим через подражание». А вот инвокационная магия суть колдовство и относится к вызову злых духов. Грейнджер убежден, что в книгах Роулинг колдовство (или магия призыва) практически отсутствует. Однако это не совсем так — эту магию активно используют Пожиратели смерти, когда им нужно в буквальном смысле вызвать Вольдеморта. Так что разница между колдовством и волшебством в поттериане сохраняется.

Здесь нужно сделать некоторое терминологическое уточнение. Слово «инкантация» (в оригинале — *incantation*) происходит от латинского «*cantus*» — песня, а «инвокация» (*invocation*) от латинского «*vox*» — голос. То есть разница между ними в следующем: инвокация — это призыв, называние сверхъестественного существа по имени, а инкантация — некая фраза, в которую этот призыв может быть облечен. На русский язык инкантацию можно перевести именно как заклинание, а инвокацию — скорее как прямое обращение к божеству. При этом в английском языке слово «инвокация» используется применительно и к церковным богослужениям.

Итак, разделять нужно, скорее, не по значениям латинских слов, а по смыслу. Водораздел действительно существует, о нем пишут и Толкин и Клайв Льюис. Недаром же Грейнджер так часто ссылается на «Хроники Нарнии».

Последуем его примеру, но выберем не «Серебряное кресло», а «Покорителя зари».

В шестой из Хроник Нарнии у Клайва Льюиса есть очень важный эпизод. Когда Юстэс и Джил пытаются спастись от буллинга в школе и решаются обратиться к Аслану, Джил спрашивает: «Может, надо начертить на земле круг... и написать в нем таинственные буквы... и стать в него... и сказать волшебные слова?» Иными словами, Джил перечисляет все необходимое для колдовского обряда. Тем важнее ответ Юстэса: «Примерно так и я раньше думал, хотя никогда не делал. Но сейчас я знаю, что все эти круги и слова — просто чушь. Наверное, ему бы это не понравилось. Как будто мы его заставляем, а его можно только просить»¹.

Вот тут и проходит раздел между волшебством (Роулинг называет это магией) и колдовством. Волшебство — скрытая творческая сила в мирах и Толкина, и Льюиса, и Роулинг. Более того, волшебство — то, что не противоречит задуманному порядку вещей, в отличие от колдовства, которое суть насилие над миром, созданным Творцом.

Недаром герой Льюиса говорит об Аслане: «Его можно только просить». По сути дела, Льюис устами своего героя говорит здесь об отличии молитвы от колдовства. Молитва — это просьба, обращенная к Богу. Колдовство — насилие над природой вещей и попытка управлять миром.

Более того, сама идея подобного противопоставления взята именно у Толкина. В своем эссе он упоминает «набор определенных приемов», цель которого — «власть в нашем мире, господство над неживыми предметами и волей живых существ»².

При этом особое место Толкин в разговоре о фэнтези уделяет природе Магии и Чар. Для него принципиален не набор заклинаний. О фэнтези (в переводе С. Кошелева — фантазия)

¹ Льюис К.С. Хроники Нарнии. М.: СП «Космополис», 1991. С. 487.

² Толкин Дж.Р.Р. О волшебных сказках // Лист работы Мелкина и другие волшебные сказки. М.: РИФ, 1991. С. 279.

он пишет так: «Многим она кажется подозрительной, если не противозаконной: она создает „вторичный“ мир, странным образом трансформируя мир реальный и все, что в нем; соединяет по-новому части существительных и придает прилагательным новый смысл»¹. По сути дела, Толкин рассуждает об изменении реальности посредством слова — тот самый аспект, который так интересует Грейнджера.

Отдельно следует поговорить об алхимии применительно к сюжету о Гарри Поттере. И снова мы напоминаем, что начиная с немецкого романтизма (вспомним «Золотой горшок» Гофмана) идея духовной трансформации действительно уподоблялась созданию философского камня. И Грейнджер, в свою очередь, объединяет идеи алхимии и концепцию пути героя (впервые изложенные в исследовании Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой»). Ибо эта своего рода духовная алхимия и есть тот универсальный, вечный миф, лежащий в основе мировой культуры.

После этого нас не будет удивлять тот факт, что в названии первой же из книг Роулинг фигурирует философский камень. Грейнджер, кстати, совершенно справедливо замечает, что решение американских издателей упростить название и заменить слово «философский» на «колдовской» привело к серьезному искажению смысла (см. главу четвертую). Вспомним, что в первой книге сюжет выстроен вокруг достаточно своеобразно выстроенного квеста. Философский камень, спрятанный в Хогвартсе, одновременно ищут Вольдеморт с помощью Квиррелла и Гарри Поттер с друзьями. Есть и ложный противник — Снейп, однако сейчас речь не о нем. В итоге Квиррелл и Гарри видят камень в зеркале Еиналеж одновременно. Однако Вольдеморт не может дотянуться до него, поскольку взять камень может лишь тот, кто в нем не нуждается. Сама идея также не могла появиться без влияния Толкина (вспомним, что Фродо является

¹ Там же.

хранителем, но не владельцем Кольца Всевластья, а задача его — не в обретении, но в уничтожении его).

В финале первой книги философский камень также уничтожен — и это решение не может не удивить читателя. Дамблдор объясняет Гарри, что для Николаса Фламелья, владельца и изобретателя философского камня, смерть подобна сну после длинного дня. Логика, впрочем, выглядит несколько странной, если подходить к сюжету с позиций современной — секулярной — психологии. Весь сюжет с философским камнем призван показать нам, что бесконечная жизнь — это отнюдь не главное: «В конце концов для хорошо организованного разума смерть — это только новое большое приключение. Знаешь, этот Камень на самом деле не такая уж прекрасная вещь. Жизнь и деньги, сколько ни пожелаешь! Эти две вещи большинство из людей предпочтет всему остальному. Проблема в том, что люди обладают способностью выбирать именно то, что для них опаснее всего...»¹ Более того, сама возможность бесконечной жизни может стать слишком притягательной для темных сил, как это и случилось с Вольдемортом и его Пожирателями смерти.

Эта тема становится ключевой для седьмой, заключительной, книги о Гарри Поттере. Метафора бесконечной жизни и неограниченной власти над миром — воплощением чего и стало толкиновское Кольцо Всевластья — дробится в романе Роулинг на несколько ключевых образов. Это, в первую очередь, Дары Смерти: Бузинная палочка, Камень воскрешения и плащ-невидимка. Непобедимая волшебная палочка по сюжету книги как раз и становится одной из причин поражения и окончательной гибели Вольдеморта. Сам же Гарри отказывается в финале стать ее владельцем.

Следующий образ — Камень воскрешения, который Вольдеmort превратил в один из крестражей. Вделанный в кольцо камень, позволяющий возвращать из

¹ Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень.

мертвых, — это ли не отсылка к Кольцу Всевластья? Тем более что для Дамблдора, который желал использовать этот камень для себя лично, он стал причиной смертельной раны. Гарри же прибегает к силе камня только для того, чтобы получить поддержку близких людей перед тем, как пожертвовать своей жизнью. Что же касается плаща-невидимки, то и тут можно вспомнить свойство Кольца Всевластья делать своего владельца невидимым. Истоки этого явления — у Платона¹. В книге «Государство» приводится история некоего пастуха, который случайно нашел золотое кольцо, наделяющее владельца невидимостью. Пастух, однако, использовал это свойство во вред другим, поскольку, как говорит рассказчик, он получил возможность «действовать среди людей так, словно он равен богу»². У Роулинг плащ неоднократно помогает Гарри и его друзьям, но в решающий момент, опять-таки, герой снимает его.

Но есть и третий путь обретения вечной жизни, о котором Роулинг (как и Толкин, кстати) не говорит напрямую, но без которого был бы невозможен сюжет о Гарри Поттере. Это Евангелие. Грейнджер подробно рассматривает этот момент практически в каждой главе. Автор невероятно увлечен поиском христианских параллелей, иногда даже с избыточным, на наш взгляд, энтузиазмом (как, например, в разделе, посвященном символике имени Гарри Поттера). Однако в процессе своих поисков он делает очень важные замечания, без которых нельзя обойтись. И касаются они, в первую очередь, любви и смерти.

Здесь снова мы не можем не увидеть переклички мыслей Грейнджера с размышлениями Толкина о бегстве от смерти. Например, в четвертой главе Грейнджер подчеркивает:

¹ Подробнее о Кольце Всевластья как политической метафоре см.: Штейнман М.А. Трансформация метафоры власти в XX — начале XXI столетия. На примере произведений Дж.Р.Р. Толкина и Дж. Мартина // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. № 2 (93). С. 28–47.

² Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. С. 70.

«Величайший человеческий страх — страх смерти; и, вместе с Гарри снова и снова одерживая победы над врагом, чье имя означает „желающий смерти“, читатели словно бы побеждают в своем воображении саму смерть»¹. Здесь он практически дословно цитирует Толкина: «...Мы подошли к самому древнему и глубокому желанию человека — осуществить Великое Бегство от реальности, а значит, и от смерти»².

Ведь изобретенный Толкином термин «эвкатастрофа» обозначает не просто счастливую концовку, но отблеск Воскресения Христова. И в этом контексте сложно не согласиться с Грейнджером, применяющим логику Толкина по отношению к романам Роулинг: «В мире, где реальность и неизбежность смерти чаще всего сокрыта от глаз, „Гарри Поттер“ смело поднимает проблему смерти в каждом романе — и в каждом дает на нее глубоко духовный, истинно христианский ответ: Любовь преодолевает смерть и побеждает тех, кто преклоняется перед алтарем смерти»³.

Именно поэтому параллели между Гарри Поттером и Христом, которые проводит Грейнджер⁴, столь же логичны, как и параллели между Христом и Фродо, который проводит, например, Колдекот. Оба героя не просто жертвуют собой, но и чудом остаются в живых. Если попробовать прочитать (а не посмотреть) «Властелина колец» и «Гарри Поттера» словно в первый раз, то нельзя не испытать то самое чувство, когда, как пишет Толкин, «и у детей, и у взрослых одинаково перехватывает дыхание, сильнее бьется сердце, а на глаза наворачиваются слезы»⁵.

¹ Наст. изд. С. 72.

² Толкин Дж.Р.Р. О волшебных сказках. С. 288.

³ Наст изд. С.72.

⁴ При этом важно отметить, что Грейнджер — совершенно правильно — не рассматривает Гарри Поттера как простую аллгорию Христа. Скорее, Гарри оказывается, в христианской перспективе, простым смертным, в котором раскрывается образ и подобие Сына Божия. Об этом он подробно размышляет в пятой главе, которая называется «Одна личность, две природы».

⁵ Толкин Дж.Р.Р. О волшебных сказках. С. 289.

Здесь можно вспомнить мучительное одиночество перед лицом неизбежной смерти Фродо и Сэма в Мордоре, а Гарри — в лесу перед тем, как решиться позволить Темному Лорду убить себя. Можно вспомнить, как Фродо жалеет Горлума и Сарумана, а Гарри дает Вольдеморту последний шанс раскаяться. Можно вспомнить и о том, как подъем на Ородруин становится аналогом Крестного пути и для Фродо (для которого Кольцо — непосильное бремя), и для Сэма (который поднимается на Ородруин, неся Фродо на плечах). Можно вспомнить, наконец, и тот момент, когда Хагрид укачивает тело Гарри, словно ребенка, во время мнимого триумфа Вольдеморта над Хогвартсом.

Тем сильнее наша радость в финале обеих книг, которая может возвыситься до серьезного духовного опыта — когда мы наконец понимаем и смысл слова «надежда» у Толкина, и смысл цитаты из Первого послания к Коринфянам апостола Павла, которую Роулинг выбрала эпиграфом: «Последний же враг истребится — смерть».

Что же нам остается в итоге? Видимо, признать вместе с Джоном Грейнджером, что книги о Гарри Поттере заслуживают внимания не только как пример хорошей литературы, но и как честный и важный разговор о жизни и смерти, о Боге и Любви.

М.А. Штейнман,
кандидат филологических наук,
профессор Института медиа НИУ ВШЭ

Благодарности

«Как Гарри заколдовал мир» — четвертое издание и третье заглавие книги, написанной мною в 2002 году и сперва названной «Тайный ключ к „Гарри Поттеру“». В то время мой тезис, что причиной поттеромании стал религиозный смысл и христианское содержание книг Дж.К. Роулинг, воспринимался как абсурдное «вписывание» в текст моих собственных религиозных воззрений. Однако вопрос о моем душевном здоровье — по крайней мере, в этом отношении — разрешила сама Роулинг. Во время своего турне по Соединенным Штатам в 2007 году, после выхода в свет «Гарри Поттера и Даров Смерти», она заявила на пресс-конференции, что, по ее мнению, христианский символизм и смысл ее историй «очевидны», а тексты из Писания в последней книге «подводят итог всей серии».

Я буду вечно благодарен издательству «Тиндейл», рискнувшему довериться моей аргументации, и важным редакторским замечаниям Дженис Харрис и Лизы Джексон.

Особого упоминания здесь заслуживают также мой литературный агент Кэтрин Хелмерс из «Хелмерс Литерари Сервис» и Роберт Трекслер, издатель «КСЛ: бюллетеня Нью-Йоркского общества К.С. Льюиса» и редактор «Зосима-Пресс». Мисс Хелмерс открыла мне двери в «Тиндейл» и много раз удерживала от ошибок, о которых не стоит здесь распространяться. Боб Трекслер — лучший друг и родственная душа, из тех, что нужны каждому, но кого никто из нас не заслужил. Он подает пример жизни во Христе, за которым я тянусь изо дня в день.

Я веду блог на www.HogwartsProfessor.com; преподаю в Барнсе и веду онлайн-занятия в Университете Нобл; был одним из ключевых спикеров на конференциях по «Гарри Поттеру» в Орландо, Лас-Вегасе, Лос-Анджелесе, Филадельфии и Торонто; переписываюсь по имейлу со множеством людей, читающих мои книги. (Вы тоже можете мне написать; мой электронный адрес — внизу страницы.) В результате всего этого сообщество моих друзей в фэндоме «Гарри Поттера» выросло настолько, что их перечисление заняло бы отдельную главу. Друзья и корреспонденты, с которыми нас объединил «Гарри Поттер», стали для меня лучшей частью этого путешествия длиной в семь лет.

Последние в этом коротком списке, но неизменно первые в сердце — мои родные. Спасибо вам, Ханна, Сара, София, Мефодий, Анастасия, Тимоти и Зосима, за то, что позволили мне развить мысли, высказанные в наших беседах о «Гарри Поттере», и поделиться ими с миром. Наше знакомство с «Гарри Поттером» началось в 2000 году, мы многое пережили с ним вместе — и хотелось бы думать, что наше с вами счастье тоже подтверждает то, о чем я пишу в этой книге.

Джон Грейнджер
john@hogwartsprofessor.com

Предисловие издателя

Дорогой читатель!

Д Меня могут спросить о том, зачем издатель христианской литературы взялся за публикацию книги о «Гарри Поттере» — серии сказок, феноменально успешных, однако вызвавших критику некоторых групп внутри христианского сообщества. Ответ, в сущности, очень прост.

Миллионы молодых людей, читающих книги о Гарри Поттере, предоставляют своим родителям прекрасную возможность, используя сюжеты, которые любят их дети, начать с ними разговор о христианских идеях и ценностях — и о том, как оценивать мировоззрение, лежащее в основе того или иного литературного произведения. Мы надеемся, что «Как Гарри заколдовал мир» послужит катализатором таких обсуждений и мостом к росту в вере и духовном понимании.

Издательство Tyndale

От переводчика

В работе над этой книгой я использовала переводы серии романов о Гарри Поттере, изданные российским издательством «Росмэн» в 2000–2007 годах.

Цитаты из романов о Гарри Поттере приводятся преимущественно по переводам:

«Гарри Поттер и философский камень»: перевод с английского И.В. Оранского (с) ООО «Росмэн-Издат», 2000;

«Гарри Поттер и Тайная комната»: перевод с английского М.Д. Литвиновой (с) ООО «Росмэн-Издат», 2001;

«Гарри Поттер и узник Азкабана»: перевод с английского М.Д. Литвиновой (с) ООО «Издательство РОСМЭН-ПРЕСС», 2001;

«Гарри Поттер и Кубок огня»: перевод с английского под редакцией М.Д. Литвиновой (с) ООО «Издательство РОСМЭН-ПРЕСС», 2002;

«Гарри Поттер и Орден Феникса»: перевод с английского В. Бабкова, В. Гольшева, Л. Мотылева (с) ООО «Издательство РОСМЭН-ПРЕСС», 2003;

«Гарри Поттер и Принц-полукровка»: перевод с английского М. Лахути и С. Ильина (с) ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005;

«Гарри Поттер и Дары Смерти»: перевод с английского С. Ильина, М. Лахути, М. Сокольской (с) ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007.

В тех случаях, когда имеющийся русский перевод, на мой взгляд, неточно передавал детали или акценты оригинального текста Роулинг, я переводила отрывок сама. Эти случаи оговорены в примечаниях.

Цитаты из других текстов Роулинг («Фантастические твари и где они обитают», интервью) приводятся в моем переводе.

В передаче имен героев, названий, терминов из романов Роулинг я в основном следую вышеперечисленным переводам и русскоязычной традиции в целом. Однако позволю себе отступить от этого правила в нескольких случаях, где мне кажется необходимой более точная передача звучания или смысла имени/фамилии/прозвища.

Перечислю их:

«Вольдеморт» вместо более распространенного «Волан-де-Морт» и «Том Риддл» вместо более распространенного «Реддл».

Буквы «АН» в русском варианте псевдонима Вольдеморта и Е вместо И появились ради сохранения анаграммы: «Tom Marvolo Riddle ⇒ I am Lord Voldemort» (в русском переводе: «Том Нарволо Реддл = лорд Волан-де-Морт»). Однако Джон Грейнджер не обсуждает эту анаграмму, зато подробно обсуждает значение как настоящего имени Тома, так и его псевдонима.

Фамилия «Riddle» означает «загадка» (Вольдеморт — человек-загадка); при ее передаче как «Реддл» этот смысл теряется. В псевдониме «Voldemort» западный читатель различает «смерть» (mort) и «волю»/«желание» или, возможно, «полет» (vol). При передаче псевдонима на русский как «Вольдеморт» «воля» сохраняется; при передаче как «Волан-де-Морт» она теряется, зато появляются совершенно ненужные здесь ассоциации с бадминтоном.

«Червехвост» (прозвище Питера Петтигрю) вместо более распространенного «Хвост».

По-английски Питер — Wormtail. Это именно крысиный хвост, похожий на червяка, вызывающий ассоциации с чем-то ползучим и склизким. По-английски это прозвище имеет выраженную негативную коннотацию, на которую указывает Грейнджер. При передаче «Wormtail» как «Хвост» негативный оттенок полностью утрачивается.

Виктор Крам вместо Крам.

Виктор — болгарин, и в его фамилии содержится отсылка к легендарному царю Болгарии Круму. Сами болгары легко считывают эту отсылку, и в переводе «Гарри Поттера» на болгарский Виктор назван именно Крумом. Хотя Грейнджер не рассматривает личность и значение имени Виктора, мне показалось правильным исправить эту очевидную ошибку.

Введение

Представьте себе: тихим прохладным вечером вы гуляете с собакой по парку. Вдруг, совсем как в кино, с небес опускается летающая тарелка и плавно приземляется на пустое футбольное поле за складским зданием. Зеленый человечек спрыгивает с металлического трапа и направляется к вам. Вы с собакой чуть ли не зеваете от скуки — уже сколько раз вы такое видели по телевизору!

Человечек вам не угрожает, не говорит «отведите меня к вашему правителю». Как и следовало ожидать, этот братишка Добби всего лишь жаждет поговорить с вами о Гарри Поттере. Неудивительно — все вокруг этого хотят!

За десять лет, прошедшие от публикации «Гарри Поттера и философского камня» в 1997 году до «Гарри Поттера и Даров Смерти» в конце 2007 года, семь романов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере были проданы тиражами более 375 миллионов экземпляров и переведены более чем на шестьдесят языков. Каждый из первых пяти фильмов о Гарри Поттере бил рекорды продаж, а в целом к началу 2008 года эта серия, превзойдя серию о Джеймсе Бонде (двадцать один фильм) и о Звездных Войнах (шесть фильмов), сделалась самой успешной франшизой всех времен и народов. Как любой благоразумный путешественник, инопланетянин позаботился заранее навести справки о планете, куда собрался в отпуск; и, держу пари, все межпланетные туристические справочники этого года советуют туристам на Земле разговаривать с местными о Гарри Поттере. Что еще здесь найдется такого, о чем знают все — и все интересуются?

О Гарри Поттере и его друзьях я впервые услышал в 2000 году. На тот момент у меня было семеро детей, от года до одиннадцати лет, старшие находились на домашнем

обучении, и о юном волшебнике в школе волшебства я ничего и слышать не хотел. По рассказам одного коллеги (литературному вкусу которого, впрочем, доверять не стоило), у меня сложилось впечатление, что эти книги — какой-то серийный шлак, вроде «Мурашек» Р. Л. Стайна¹. Как заправский сноб, первый роман о Поттере в бумажной обложке я открыл только ради того, чтобы объяснить старшей дочери, почему не стоит читать подобную чушь.

Теперь она называет это «моментом истины». За один вечер я превратился из человека, которому такого «и даром не надо, и с приплатой не надо», в новообращенного, который читал эти книги вслух младшим детям и подолгу обсуждал их со старшими. Помню себя в эту первую неделю восторга, когда еще один коллега сказал мне: мол, «как правило», христиане к этим книгам относятся с презрением. «Вот так номер!» — подумал я.

Ваша любимая сцена?

Однако вернемся к зеленому человечку в парке. Могу поспорить, первый вопрос, который рекомендует задать его гид по планете Земля: «Какая сцена в этих книгах вам больше всего понравилась?» Почему он хочет это узнать? Ну, помимо того, что это отличное начало беседы, возможно, наш друг из космоса, в отличие от земных ученых, хочет увезти с собой на планету Ксенон какие-то полезные сведения. Его интересуют ответы на самый важный вопрос — единственный вопрос о Гарри Поттере, действительно стоящий ответа. Он хочет знать, что сделало эти книги «настольными» для детей, родителей, бабушек и дедушек на каждом континенте и архипелаге планеты.

¹ Роберт Лоуренс Стайн (род. 1943) — плодовитый американский писатель, автор «литературы ужасов», ориентированной на детскую и подростковую аудиторию.